ТАТЬЯНА ОСТРОВСКАЯ

ostrovska.t@mail.ru

ТРАНС-ВЕРБАЛЬНЫЕ ЗНАКИ В ПОВЕДЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЭЛИТЫ

Размышляя о многослойности дискурса, Л.Н. Синельникова пишет: «Дискурс – это процесс речевой деятельности с её погружённостью в социально-культурный контекст и отражающий психологический настрой говорящих – как явный, так и по разным причинам *скрываемый*. Мы прочитываем мысли и смыслы, вслушиваясь (интонация, паузы, перемещение логического ударения и т.д.), вглядываясь (невербальное поведение – жесты, мимика, перемещение в пространстве и под.) и вчитываясь, если относимся к тексту как к манифестации дискурса, переклички с другими текстами, отсылка к контексту – культурному, этноспецифическому, политическому и т.д.)» (Синельникова, 2012 : http).

Действительно, скрытые смыслы, проявляющиеся в непрямой коммуникации в дискурсе, играют часто б***о***льшую роль в успехе коммуникации, чем явные знаки. В совокупности они представляют собой сложные знаковые системы, основанные на социальных моделях мировосприятия. С одной стороны, это многослойные образования со всеми признаками знака, с другой стороны, это структуры, которые в силу того, что воспринимаются комплексно всеми органами восприятия, трудно поддаются строгому структурному анализу, но представляют собой интересный материал для дискурсивного исследования. Особенностью материала для такого дискурсивного исследования являются достаточно большие текстовые фрагменты, поскольку только в значительном дискурсивном пространстве можно выделить социальные знаки поведенческого дискурса.

Дискурсивная элитарная личность рассматривается в русле поведенческого дискурса, т.е. мы рассматриваем ее как личность, речеповеденческие модели которой характерны для элитарной личности. Эти поступки отражаются как в производстве и потреблении текстов, так и через фоновые знания, т.е. через «прозрачные» или «непрозрачные» поведенческие модели (речевые и социальные) (ср.: дискурс – это текст, погруженный в жизненное (социальное) пространство). Необходимость рассмотрения семиотики элитарной личности в дискурсивном пространстве, в частности, в поведенческом дискурсе, обусловлена тем фактом, что некоторые дискурсообразующие концепты, например, *достоинство, честь, джентльменство* и пр., характерные для определенной макросоциальной группы, актуализируются в б***о***льшей степени благодаря проявлению определенных поведенческих (невербальных) паттернов, нежели через вербальное поведение.

Среди поведенческих знаков политического дискурса выделяются ритуальные и неритуальные действия/события. Под ритуальностью понимается отсутствие элемента новизны, предсказуемость, запрограммированность, преобладание фатики над информативностью (Шейгал, 2011). К ритуальным действиям относятся различные регулярные события, например, ежегодные скачки в Аскоте в Великобритании, которые являются одновременно спортивным состязанием и светским раутом. Скачки в Аскоте – это демонстрация незыблемости английских традиций, которые воплощаются в определенном дресс-коде. Во избежание омассовления, снижения уровня аристократизма мероприятия, с прошлого года строго отслеживаются критерии дамских шляп (основание их не должно быть не менее 10 сантиметров) и длины юбок у дам – строго ниже колена или длиннее. Джентльмены в Королевской ложе должны быть одеты во фрак или серый дневной сюртук и цилиндр. Похоже, что в Великобритании всячески, хотя бы внешне, сохраняются ритуалы, характерные для эпохи «твердой» современности и концепт люмпенизации поведенческого дискурса элиты проявляется не так явно, как в России.

Пример проявления неритуального невербального поведения представлен в довольно пространном отрывке из романа Ч. Сноу «Смерть под парусом».

В начале описываемых событий было совершено убийство на яхте, принадлежащей одному из шести путешествующих на ней друзей. Подозрение падает на каждого из гостей. Некоторые, незаметные на первый взгляд особенности поведения, обратили на себя внимание сыщика-любителя Финбоу[3].

— Однако остается одна проблема, разрешить которую мне долго не удавалось. А именно: почему Уильям был без рубашки, когда услышал, как вы зовете его?

<…> Ерунда, Финбоу, — запротестовал я. — Полная ерунда. Человек просто может снять рубашку, и для этого не обязательно выдумывать сложные причины. Все мы время от времени снимаем рубашки.

Совершенно верно, — любезно согласился Финбоу. — А также надеваем. Странность заключается в том, что Уильям не надел ее.

<…> - И как вы это объясните? — спросил я.

* *Причина в том, — с довольной улыбкой ответил Финбоу, - что Уильям учился в средней школе Бирмингема.*

* *Абсурд, — вырвалось у меня.*

* *Вы сами мне об этом рассказывали, — вежливо заметил он.*

* *Совершенно верно, Уильям учился в средней школе, — с раздражением сказал я. — Кажется, в Бирмингеме. Но какое это имеет отношение к делу?*

Самое непосредственное, — сказал Финбоу. <..>— Ибн, вы, должно быть, слышали от своих глупых друзей заявления, что Уильям не джентльмен. Как они могли прийти к такому выводу, не зная его прошлого?

* *Исключительно по внешним признакам, — ответил я, но Финбоу тут же продемонстрировал всю нелепость моего утверждения. Само понятие «джентльменство» относится к внешним признакам, так что ваше замечание вряд ли можно считать глубоким, — возразил он. — Вопрос в том, по каким признакам?*

[3] По сути, сам ход рассуждений Финбоу являет собой пример дискурсивного анализа.

* *Возможно, акцент, — предположил я. — Или манеры... и все такое прочее.*

Слишком неопределенно, — возразил Финбоу. — Обычно подобные критерии отсеивают людей, которые не являются джентльменами, но не годятся для тех, кого ваши глупые друзья исключили бы из этого круга, зная их прошлое. Возьмем, к примеру, акцент: любой человек с приличным слухом может освоить литературный английский точно так же как выучить иностранный язык. Даже уроженец Ланкашира способен научиться говорить на цивилизованном языке. Его не отличишь от вас или Филиппа. Приложив кое-какие усилия, он добьется произношения, приемлемого в любых кругах. Скорее всего ему никогда не овладеть забавным блеянием, характерным для маленьких частных школ, но это особый дар судьбы вроде шпагоглотания — что на самом деле очень похоже.

<…> Нет, акцент не подходит, манеры — тоже. Я встречал по меньшей мере двух жиголо из глубинки, которые дадут сто очков вперед любому выпускнику Винчестерского колледжа. Готов снять шляпу перед тем, кто отличит их от молодых людей, собирающихся поступить на дипломатическую службу. Нет, Йен, ваши глупые друзья не могли судить по этим внешним признакам. Тогда как же они догадались?

* *А они и не догадались, — сказал Финбоу. — Им приходится воспринимать людей как равных, основываясь на всех этих признаках «джентльменства», но когда выясняется, что человек родом из Нанитона, они в традициях старых берклианцев говорят друг другу, что всегда знали, мол, он не «настоящий джентльмен».*

* *Думаю, вы правы. Но какая связь между джентльменом и рубашкой Уильяма?*

Все просто, — улыбнулся Финбоу. — Ваши глупые друзья на это не способны, но мы, проявив некоторую изобретательность, можем придумать тесты, которые позволят отделить агнцев от козлищ. Агнцами мы назовем старых берклианцев и подобных им, а козлищами будут все остальные граждане нашей демократической страны.

<…> Позвольте продемонстрировать вам, — продолжал Финбоу, — одно из реальных различий между агнцами (элитой – Т.О.) *и козлищами* (простолюдинами – Т.О.) *Любое различие, разумеется, должно основываться на привычках, сформировавшихся в юности. Одна из таких привычек — физические упражнения, выполнение которых превратилось в своего рода религиозный обряд. Столкнувшись с человеком, который делает зарядку по утрам, вы можете смело отнести его к агнцам. Любой, кто регулярно делает зарядку и гордо говорит об этом как о моральном долге, вне всякого сомнения, является агнцем — просто потому, что в детстве его приучили относиться к физическим упражнениям как к моральному долгу. У козлищ ничего этого нет; если они и занимаются спортом, то лишь ради удовольствия, а не потому, что должны, и их не мучает совесть, если они пропустят месяц или два физические упражнения составляют одно из различий между агнцами и козлищами. Существуют и другие; к поведению Уильяма имеет отношение то, как раздеваются толпы агнцев и козлищ. Дело в том, что большинство агнцев в детстве живут вместе и — отчасти благодаря силе общественного мнения, отчасти благодаря наставлениям учителей (которые почему-то считают, что это укрепляет нравственность) — привыкли раздеваться догола в присутствии друг друга. Это неоспоримый факт — например, в школе никому из нас не приходило в голову надевать купальный костюм, когда мы собирались поплавать.*

<…> У козлищ все иначе. Они живут дома, где все телесное считается более интимным. У них нет привычки раздеваться догола. Во время моего последнего посещения Англии я заходил в среднюю школу Бенсона и оказался в раздевалке футбольной команды. Такое впечатление, что я наблюдал за киноактрисами: эти мальчишки проявляли удивительную

изобретательность, чтобы не оказаться полностью одетыми или полностью раздетыми. В этом отношении агнцы абсолютно не похожи на козлищ, Йен: так отличаются люди, живущие большими группами, от тех, кто пытается оградить личную жизнь от посторонних.

* *Но... — с сомнением протянул я, — не противоречите ли вы сами себе? Тогда Уильям должен был снять пижаму, прежде чем надеть брюки.*

* *Совершенно верно. Странность поведения Уильяма состоит в том, что он разделся догола без всякой необходимости.*

* *Вот! — торжествующе воскликнул я. — Все ваши теории неверны. Если исходить из ваших представлений об агнцах и козлищах, он должен был поступить как раз наоборот.*

Финбоу передвинулся в угол кресла и самодовольно улыбнулся:

—Мои рассуждения гораздо тоньше. Вспомните, что за человек Уильям: пробивной и очень умный. Несомненно, он осознает разницу между своими привычками и образом жизни, который ему теперь придется вести, должен осознавать. Это понимают все умные люди, и большинство пытаются соответствовать окружению. Уильям изучил эти отличия гораздо лучше меня и пытается вести себя так, чтобы не выделяться среди тех, кто его окружает. Обычно это у него получается, но иногда он может переусердствовать. Уильям поборол свою привычку не раздеваться на публике до такой степени, что теперь всегда раздевается на публике. Вот вам и объяснение брюк Уильяма: честолюбивый молодой человек пытается скрыть свое социальное происхождение (Сноу http).

В данном фрагменте текста Ч.Сноу некоторые знаки дискурсивной элитарной личности (в тексте они вербализуются как «джентльмены» или «агнцы»), демонстрируют отличие ее от представителей других социальных классов:

- Вербальные знаки - определенный социальный акцент, который, однако, можно у себя выработать, так называемый «фактор Пигмалиона» (Honey 1991), что и отмечает Финбоу.
- Явные социальные знаки - школьное образование Уильяма (*Уильям учился в средней школе Бирмингема)*
- Скрытые поведенческие паттерны «джентльменов», знание которых помогает мимикрировать выходцам из других социальных групп («козлищ). Это те устойчивые модели поведения, которые, как «вторая кожа», незаметны для их владельцев, но позволяют отличать «агнцев» от «козлищ».

Таким образом, в поведенческом дискурсе реализуется одни из базовых концептов дискурса элиты – «закрытость».

Еще одни пример поведенческого дискурса элиты («скрытые правила поведения») в британском дискурсе.

Она (Марион Кроуфорд) провела с Елизаветой и Маргарет целых шестнадцать лет. Через три года после ухода она опубликовала книгу «Маленькие принцессы», посвященную жизни королевской семьи. (…) Впервые в истории Англии лицо, имевшее доступ к высочайшим персонам, посмело поделиться с публикой своими воспоминаниями. Кроуфи была заклеймлена предательницей, и при дворе с тех пор упоминать о ней было запрещено (Брэдфорд, 1998: 51).

Этот отрывок также иллюстрирует нарушение няней королевских детей

одной из основных моделей поведения элиты – закрытости.

Другими словами, поведенческий дискурс определенной личности является, наряду с вербальными и невербальными знаками, знаком дискурсивной принадлежности личности. При этом, как очевидно из вышеприведенного текста, речевое поведение, манеры можно завуалировать, выработать в результате определенных усилий. Вследствие этого поведенческий дискурс, воспринимаемый всеми органами чувств, является более ярким индикатором принадлежности реализуемой его личности к тому или иному дискурсу.

Еще один пример социального поведения, формирующий поведенческий дискурс, знак деления на «своих – чужих», представлен в интервью Юрию Сапрыкину по поводу выхода в свет новой книги Т. Толстой «Легкие миры». Например:

- Вы пишите, что даже в текстах близких по духу людей иногда видите слово, из-за которого вся магия разрушается. Все сразу становится ненастоящим. Что это за слова, можете пример привести?

- Не могу. Это очень индивидуально. Допустим, приходит к тебе подруга в гости. Чудесная любимая подруга, изящная, хорошо одетая, все одно к одному. Но на ней колготки с леопардовым принтом. ІІли она какую-то страшную невозможно стразу себе в волосы воткнула. ІІли на ней майка с Микки Маусом. То есть что-то такое, чего я о ней не знала, проявилось. На самом деле там нет хорошего и плохого. Там есть чужое, которое в твоем личном эстетическом мире проделывает брешь. Ты понимаешь, что есть другие миры. А это довольно тяжелая работа — присоединить кусок чуждого тебе мира» (Толстая http).

Т. Толстая, на вопрос о словах, «разрушающих магию», отвечает примером, который описывает некоммуникативные знаки[4], т.е. характеризует поведенческий дискурс дамы с «принтом», «стразой», «Микки-Маусом» как знак чуждого дискурса.

Примером подстройки под дискурс «своего парня» могут служить привычки бывшего премьер-министра Великобритании Гарольда Уилсона, члена лейбористской партии. Будучи «An academic and ***apparatchik*** by origin», т.е. «ученый и кадровый чиновник» (наш, советско-российский вклад в английский язык, в котором это замечательное слово имеет смысл: бюрократ, помощник в политическом аппарате) по своему происхождению, Г. Уилсон представлял собой семиотическую дискурсивную личность. Например: «*Wilson's obsession with the media reflected another source of weakness – the emphasis on style. In 1963-66 the prime-minister had manifestly been Labour's chief asset. But this increasingly took the form of a focus on presentation – the pipe, the contrived northern folksiness, the use of the Gannex raincoat (…). The prime-minister seemed concerned with the manipulation of power rather than the purposes to which it might be put.*

Перевод: *Одержимость Уилсона средствами массовой информации отражала еще одну его слабость - акцент на стиле. В 1963-1966 годах премьер-министр явно был главным достоянием лейбористов. Но постепенно это все больше превращалось во внешнюю презентацию – трубка, напускная простота выходца с севера Англии, ношение дождевика «Ганнекс»(…). Премьер-министр казался больше озабоченным манипулированием властью, чем задачами, на которые власть можно нацелить»* (Baldwin http).

Вещные знаки, определяющие стиль и поведение премьер-министра,

[4] О некоммуникативном невербальном поведении см. (Горбенко 2007).

предназначены для того, чтобы создать дискурс не «чиновника высокого ранга и ученого», а «простого человека с Севера», который носит традиционный дождевик, курит трубку и пр.

Таким образом, поведенческий дискурс элитарной личности является знаком деления на «своих – чужих» или, с какой-то определенной целью, намеренной подстройкой под чужой дискурс.

Список литературы:

Брэдфорд С. Елизавета II/ Биография Ее величества. М.: Вагриус-Захаров. 1998. – 544с.

Горбенко В.А. К вопросу о коммуникативном и некоммуникативном невербальном поведении// Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.9. Вып. 4. Ч.1. 2007. С. 63-68

Синельникова Л.Н. Размышления после конференции по дискурсологии XI Международной Интернет-конференции «Дискурсология: язык, культура, общество», 17 — 26 мая 2012 года http://www.science-community.org/ru/node/6655

Сноу Ч. Смерть под парусом. http://modernlib.ru/books/snou_charlz_persi/smert_pod_parusom/read/

Толстая Т.Н. Мне интересно, какие в народе кварки http://vozduh.afisha.ru/books/tatyana-tolstaya-mne-interesno-kakie-v-narode-kvarki/

Шейгал Е. И. Невербальные знаки политического дискурса //Основное высшее и дополнительное образование. - Вып. 1. - Волгоград, 2001.

Executive Leadership and Legislative Assemblies. Ed. Nicholas D. J. Baldwin. https://books.google.ru/books

Honey J. Does Accent Matter? The Pygmalion factor / J. Honey. London: Faber & Faber, 1991.

Татьяна Александровна Островская - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии. Адыгейского государственного университета (г. Майкоп)